

Личные имена в названиях сельскохозяйственных угодий Белозерского края конца XIV–начала XV вв.

Проблемам реконструкции антропонимов на материале топонимии посвящены работы ряда современных исследователей. В статье Я. Саарикиви «Прибалтийско-финская антропонимия в субстратных названиях Русского Севера: перспективы изучения» предпринята попытка реконструировать финно-угорские личные имена на базе субстратной топонимии Архангельской области [7]. Личные имена, отраженные в псковских и новгородских гидронимах, зафиксированных в памятниках письменности XVI – XIX вв., рассматриваются Р.А. Агеевой в статье «Антропонимические основы в восточнославянской гидронимии Псковских и Новгородских земель» [1].

В данной статье личные имена, лежащие в основе названий сельскохозяйственных угодий (пожен, пашен, пустошей, полей, деревень) Белозерского края, исследуются по документам конца XIV – начала XV вв. Отмеченный период – это конечный этап развития языка древнерусской народности, от которого дошло незначительное количество письменных памятников, поэтому анализ ономастического материала, отмеченного в деловой письменности Кирилло-Белозерского монастыря, представляется особенно значимым.

Включение названий деревень в состав исследуемой группы топонимов применительно к концу XIV – началу XV вв. исторически обосновано. Как отмечает С.Б. Веселовский, в XIV–XV вв. «слово *деревня* означало не само селение, не постройки, а участок земли, и не просто участок, а комплекс угодий: пашенной земли, покосов, леса и т.п.» [4]. По словам В.Я. Дерягина, «значение 'многодворное крестьянское поселение' у слова *деревня* на Севере могло появиться не ранее XVIII в., так как только с этого времени возникают здесь многодворные крестьянские поселения» [5, 122]. В условиях од-

нодворной деревни XIV–XV вв. номинация по первопоселенцу или владельцу приобретает особую актуальность. Исследование нашего материала подтверждает это положение: в топонимии Белозерья отантропонимические образования составляют около 70%.

В основах исследуемых топонимов широко представлены календарные личные имена: *Иван* (село *Ивановское* АСВР №100, *пустошь Ивановская* АСВР №170, *Ивановы пожны* АСВР №134) *Никон* (*Никоновская пожня* АСВР №115), *Василий* (*Васильев наволок* АСВР №30), *Логин* (*полоса Логинова* АСВР №184), *Роман* (*Романовская пустошь* АСВР №153), *Арист* (*деревня Аристовская* АСВР №75, *пустошь Аристовская* АСВР №52), *Трофим* (*земля Трофимовская* АСВР №50), *Кондрат* (*Кондратова пустошь* АСВР №120). В живой народной речи личные имена греческого происхождения трансформировались, приобретали русифицированные формы и в этих формах закреплялись в названиях населенных пунктов. Анализ топонимического материала позволяет выявить механизмы адаптации календарных личных имен в русских народных говорах. В основах отантропонимических топонимов отразились преобразования, возникшие в результате действия фонетических норм русского языка и севернорусских говоров той эпохи: 1) оканье: *Ондрон* ← *Андрон* (*Ондророва земля* АСВР №16), *Оверкий* ← *Аверкий* (*Оверкеева межа* АСВР №60); 2) чередование [o] – [y]: *Кузьма* ← *Козьма* (*Кузьминские пустоши* АСВР №290); переход [y] в [v], произошедший под влиянием изменения губно-губного [w] в губно-зубной [v]: *Овдей* ← *Аудий* (*Овдеевы две земли* АСВР №192); 3) зияние гласных: *Остафий* ← *Еустафий* (*Остафьев огород* АСВР №28); 4) сокращение инициальных слогов: *Еремей* ← *Иеремия* (*Еремеева пустошь* АСВР №153), *Сидор* ← *Исидор* (*Сидоровская пустошь* АСВР №61); 5) межслоговая ассимиляция гласных и согласных: *Фарафон* ← *Ферапонт* (*Фарафонов двор* АСВР №184), *Нестер* ← *Нестор* (*Нестеров огород* АСВР №6); 6) утрата конечного согласного основы: *Харлам* ← *Харламп* (*Харламовская деревня* АСВР №17), *Фарафон* ← *Ферапонт* (*Фарафонов двор* АСВР №184);

7) развитие протетических звуков: *Увар* ← *Уар* (*Уварова пустошь* АСВР №153), *Константин* ← *Костантин* (*Константинова земля* АСВР №52); 8) замена греческого [ф] на [п]: *Есип* ← *Осиф* (*Есиповская земля* АСВР №265); 9) замена начального [н] на [м]: *Микифор* ← *Никифор* (*Микифоровы пожни* АСВР №168), *Микита* ← *Никита* (*Микитские деревни* АСВР №143). По данным Г.Я. Симиной, мена начального [н] на [м] свойственна древненовгородскому говору [8, 45]. Таким образом, исследование топонимии Белозерья конца XIV – начала XV вв. позволяет сделать вывод о том, что к концу XIV века основные процессы адаптации календарных имен в русском языке были завершены.

Ряд топонимов восходит к именам-модификатам, образованным усечением основы исходного личного имени: *Тим* ← *Тимофей* (*Тимовское селище* АСВР №307), *Ондрон* ← *Андроник* (*Ондророва земля* АСВР №16). Усечению могли подвергаться конечные *-ий*, *-ей*: *Григор* ← *Григорий* (*деревня Григорово* АСВР №184), *Зинов* ← *Зиновий* (*Зиновова пустошь* АСВР №321), *Влас* ← *Власий* (*полоса Власова* АСВР №184). В некоторых случаях усечение *-ий*, *-ей* сопровождалось изменением конечного гласного основы: *Мелех* ← *Мелентий* (*Мелеховская пустошь* АСВР №324). По мнению Ю.В. Алабугиной, появление вариантов полных личных имен, образованных путем отсечения конечных *-ий*, *-ей*, объясняется типологическими особенностями севернорусских говоров [2, 93].

Присоединение к основам или их частям суффиксов названий лиц также являлось способом адаптации календарных имен в русском языке. В топонимии Белозерского края представлены модификаты личных имен, образованные от усеченных основ при помощи суффиксов *-юн*, *-яй*, *-ша*, *-дя*: *Матюня* ← *Матя*, *Матвей* (*пустошь Матюнинская* АСВР №47), *Васюня* ← *Вася*, *Василий* (*пожня Васюнинская* АСВР №168), *Митяй* ← *Дмитрий* (*поженки Митяевские* АСВР №4), *Осташ* ← *Еустафий* (*Осташевская пустошь* АСВР №324), *Перша* ← *Порфирий* (*пустошь Першинская* АСВР №67), *Евша* ← *Евсей* (*земля Евшинская* АСВР №168), *Ивша* ← *Иван*

(Ившино селище АСВР №307), Гриша ← Григорий (Гришинская пустошь АСВР №120), Гридя ← Григорий (Гридинская пустошь АСВР №321). Как отмечает Г.Я. Сими́на, бытовые варианты личных имен с суффиксами *-дя*, *-ша* характерны и для древненовгородского диалекта [8, 45].

Большую группу составляют топонимы, в основе которых лежат формы личных имен, образованные от полных и усеченных основ при помощи суффиксов *-к(а)*, *-ец*, которые, по мнению А. И. Толкачева [10], имели в древнерусской антропонимии XI – XV вв. значение субъективной оценки: *Панька* ← *Паня*, *Пантелеймон* (*Паньковская земля* АСВР №49), *Ульянка* ← *Ульян*, *Юлиан* (*Ульянкова полоса* АСВР №11), *Давыдка* ← *Давыд* (*Давыдкова пустошь* АСВР №321), *Гаврилка* ← *Гаврил* (*деревня Гаврилкова* АСВР №51), *Митька* ← *Митя*, *Дмитрий* (*пожня Миткинская* АСВР №168); *Глебец* ← *Глеб* (*пустошь Глебцева* АСВР №24), *Иванец* ← *Иван* (*пустошь Чюравских Иванцевская* АСВР №66), *Илеец* ← *Илья* (*деревня Илейцино* АСВР №114). Особого комментария требует словообразование личного имени *Илеец*. Квалитативы с суффиксом *-ец* образуются путем присоединения форманта к полной основе, поэтому в данном случае следовало бы ожидать форму *Ильец*, а не *Илеец*. По мнению А.И. Толкачева [10], форма *Илеец* возникла по аналогии с квалитативами типа *Дмитреец* (← *Дмитрей*). Причиной, повлиявшей на выбор в качестве образца именно этой формы, вероятно, послужил тот факт, что основа с гласным [э] *Илей-* выступает в качестве производящей в квалитативном образовании *Илейка* (ср. *Илейка Михалев* АСВР №290).

В конце XIV – начале XV вв. группа топонимов, образованных от некалендарных личных имен, является достаточно многочисленной. Однако с XIV века активность древнерусских антропонимов в официальных наименованиях начинает постепенно уменьшаться, поэтому некалендарные личные имена представлены в географических названиях пропорционально меньше, чем календарные личные имена. По мнению Е.Н. Варниковой, продуктивность топонимов, имеющих в основе календарные личные имена, объясняется экстралин-

гвистическими причинами [3]. Активность церковных имен в Белозерье, с точки зрения исследователя, связана с наличием крупных монастырей в этом крае, «кроме того, – отмечает Е.Н. Варникова, – сыграла свою роль и близость Белозерья к центральному району Русского государства» [3, 69].

Незначительное число топонимов отантропонимического происхождения соотносится с некалендарными внутрисемейными и так называемыми «охранными» личными именами: *Шестак* (деревня *Шестаково* АСВР №184), *Брык* (*Брыкова пустошь* АСВР №153), *Ушак* (*Ушакова деревня* АСВР №287), *Кощей* (*Кошеевская пустошь* АСВР №153), *Бесстуж* (пожни *Безстужовские* АСВР №40), *Негодяй* (землица *Негодяевская* АСВР №58), *Неволя* (наволок *Неволин* АСВР №83). Вероятно, в древнерусский период в Белозерье антропонимы данной группы были менее продуктивны, чем календарные личные имена или некалендарные имена-прозвища. Последние представлены в топонимии Белозерья в большом количестве и отличаются семантическим разнообразием.

Древнерусские имена-прозвища, лежащие в основе названий сельскохозяйственных угодий, могут характеризовать внешний вид именуемого (*Мигачевская деревня* АСВР №9 – *Мигач*, *Кнышовская пустошь* АСВР №321 – *Кныш* 'о человеке маленького роста' Твер., Орл., Тул., Волог. [СРНГ, 13, 347]; *Пархачевская земля* АСВР №264 – *Пархач* ← *парх* 'шелуди, золотушная сыпь на голове' [СД, 3, 20]; *Хаиминские пожни* АФЗХ №307 – *Хайма* 'нечистота, грязь' твр. [СД, 4, 541]), черты характера (*полоса Путьгина* АСВР №184 – *Путьга* ← *путь* 'тот, кто часто путается, медлительный, бестолковый человек' Костр., Влад., Свердл. [СРНГ, 33, 155]; *деревня Лаптево* АСВР №184 – *Лапоть* 'о грубом и нерасторопном человеке' Орл., 'о тихом и неповоротливом человеке' Петерб. [СРНГ, 16, 266]; *Корневская пустошь* АСВР №5 – *Корень* 'упрямый, суровый человек' [СРНГ, 14, 323]), особенности поведения (*пустошь Шавница* АСВР №267 – *Шавница* ← *шава* 'шутник, балагур, врун, лясник' [СД, 4, 618]), умственное

и физическое состояние человека (*земля Дурбенево АСВР №263 – Дурбень, Нетягово селище АФЗХ №310 – Нетяга* 'недостаток сил, слабость' Твер., Яросл. [СРНГ, 20, 183]). Ряд топонимов имеет в основе личные имена, характеризующие человека по этнической или профессиональной принадлежности (*Проскурницинская пожня АСВР №290, полоса Кузнецова АСВР №184, Поповская земля АСВР №264, Пермиковская земля АСВР №264*).

Топонимию Белозерского края отличает наличие в основе большого числа некалендарных личных имен, связанных с названиями частей человеческого тела: *пожни Рукинские АСВР №91 – Рука, деревня Губкина АСВР №168 – Губка, Брюхова слобода АСВР №170 – Брюхо, земля Носищево АСВР №263 – Носище, Брожикова пустошь АСВР №153 – Брожик ← брожье 'лицо' [СРНГ, 3, 193], Вижькшинский наволоок АСВР №5 – Вижькша ← вижи 'глаза' Брян. [СРНГ, 4, 277], пожня Щелипинская АСВР №168 – Щелепень 'челюсть, нижняя скула' [СД, 4, 653], Кутникова пустошь АСВР №323 – Кутник 'задний коренной зуб' Москв., Тул., Брян., Иркут., Пск. [СРНГ, 16, 35], пустошь Кочевиньская АСВР №59 – Кочева 'голова' Костр., Влад., Твер., Калуж. [СРНГ, 15, 123].*

Необходимо отметить, что подавляющее большинство некалендарных личных имен, представленных в географических названиях конца XIV – начала XV вв., соотносятся с новгородскими антропонимами, зафиксированными в Новгородских писцовых книгах: *Перебатинская земля АСВР №264 – Перебаты Кузьма [НПК, 965], деревня Щуклино АСВР №290 – Щукля [НПК, 405], пустошь Чуравских Колышкино АСВР №66 – Колышкин Еска [НПК, 37], Кустовская сторона АСВР №87 – Куст Василий [НПК, 44], Бренкова пустошь АСВР №120 – Брен Иван [НПК, 9], пожня Щелипиньская АСВР №168 – Щелепин Петр [НПК, 96], Копыловский огород АСВР №94 – Копыл [НПК, 38], Мигачевская деревня АСВР №9 – Мигач [НПК, 52], Пархачевская земля АСВР №264 – Пархачев Якуш [НПК, 64], Саврасовские пустоши АСВР №167 – Сав-*

рас [НПК, 74], Ворсовское перевесье АСВР №223 – Ворса Иван [НПК, 15], пустошь Судоковская АСВР №64 – Судок [НПК, 507], деревня Туликовская АСВР №51 – Тупик Василий [НПК, 86], пустошь Шуклинская АСВР №80 – Шукля Евстафий [НПК, 442], Чуриново селище АСВР №307 – Чурин Борис [НПК, 93].

Особый интерес представляют отраженные в географических названиях формы имен-композиата с характерным для новгородской антропонимии суффиксом *-ят(а)*: *Вышата* ← *Вышеслав* (*Вышатинская пустошь* АСВР №120), *Журята* ← *Жирослав* (*деревня Журятино* АСВР №86). Появление в корне топонима *Журятино* гласного [у] объясняется особенностями древненовгородского говора: как отмечает Г.Я. Симина, для новгородского диалекта характерно произнесение звука [у] вместо [и] (*Пумин, Перфурий, Огруфения*) [8, 7].

Формально-грамматический анализ материала показал, что исследуемые географические названия возникли в результате топонимизации поссесивной конструкции, состоящей из притяжательного прилагательного и существительного – географического термина. Образование притяжательных прилагательных происходило путем присоединения к основе антропонима суффиксов *-ов/-ев/-ин* или их вариантов *-овск/-евск/-инск*. По мнению исследователей, суффикс *-ск* присоединялся к притяжательному прилагательному в тех случаях, когда географический объект именовался по бывшему владельцу [9]. Исследователи отмечают, что притяжательные прилагательные с суффиксом *-ск* «не выражают значения собственно принадлежности (обладания), они указывают на относительность, условность поссесивных отношений» [11, 112]. Однако случаи взаимозамены вариантов на *-ов/-овск* в текстах монастырских актов позволяют говорить о семантической близости суффиксов *-ов* и *-ск*, об отсутствии в XIV–XV вв. четких разграничений в их значениях.

В топонимии XIV–XV вв. наряду с двучленными также представлены трехчленные атрибутивные конструкции. Ис-

следуемые аналитические формы строятся по нескольким моделям: а) географический термин + личное имя в форме род. пад. + патроним в форме род. пад. (*Еремея Горяинова земля* АСВР №264, *пожня Давыда Клементьева* АСВР №135, *Гриди Черного пустошь* АСВР №321); б) притяжательное прилагательное на –овск/-евск/-инск в форме им. пад. + географический термин + патроним в форме род. пад. (*пустошь Якушинская Исакова* АСВР №267, *деревня Михалевская Горкаваго* АСВР №90, *деревня Ивашовская Мишина* АСВР №16, *Гридина деревня Доринская* АСВР №165); в) притяжательное прилагательное на –ов/-ев/-ин в форме род. пад. + географический термин + патроним в форме род. пад. (*Ондрейкова пустошь Горлова* АСВР №111, *Остафьева земля Скрипина* АСВР №264, *Васильевы села Безносовы* АСВР №154, *деревня Дорофеева Безбородова* АСВР №51). Как отмечает Р. Мароевич, последняя модель является достаточно древней и сохраняет свою связь с системой посессивных категорий праславянского языка [6].

В результате исследования языка памятников письменности конца XIV – начала XV вв. в топонимии Белозерья удалось обнаружить черты древненовгородского диалекта. Многие личные имена и их формы, реконструируемые на основе топонимов Белозерского края, вероятно, восходят к эпохе заселения района Белого озера новгородскими словенями. Формально-грамматический анализ географических названий показал, что отдельные модели, по которым строятся аналитические формы посессивных топонимов, известны еще праславянскому языку. Таким образом, изучение посессивных топонимов по данным монастырских актов конца XIV – начала XV вв., наиболее древних памятников письменности Белозерья, позволяет описать особенности функционирования личных имен в древнерусском языке, выявить архаические черты в антропонимической системе Белозерского края.

Литература

1. Агеева Р.А. Антропонимические основы в восточнославянской гидронимии Псковских и Новгородских земель // Историческая ономастика. – М., 1977.
2. Алабугина Ю.В. Календарное имя в севернорусских говорах // Ономастика и диалектная лексика. – Екатеринбург, 1996.
3. Варникова Е.Н. Антропонимы Среднего Посухонья // Русская региональная лексикология и лексикография. – Вологда, 1999.
4. Веселовский С.Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV – XVI вв. – М.–Л., 1936.
5. Дерягин В.Я. К истории слов *село* и *деревня* в русском языке // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. – М.: Наука, 1971.
6. Мароевич Р. Методологические вопросы реконструкции древнеславянских топонимов // ВЯ. – 1997. – №3.
7. Саарикиви Я. Прибалтийско-финская антропонимия в субстратных названиях Русского Севера: перспективы изучения // Русская диалектная этимология. – Екатеринбург, 2002.
8. Сими́на Г.Я. Географические названия (По материалам письменных памятников и современной топонимики Пинежья). – Л.: Наука, 1980.
9. Смольников С.Н. Категория посессивности в старорусском языке и проблемы исторической ономастики // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. – Вологда, 2002.
10. Толкачев А.И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI – XV вв. // Историческая ономастика. – М., 1977.
11. Чайкина Ю.И. Способы выражения посессивности в дозорной книге г. Белоозеро 1617–1618 гг. // Русское слово в тексте и словаре. – Вологда, 2003.

Сокращения

АСВР – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. – Т. 2. – М., 1958.

АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства. – Т. 1. – М., 1951.

НПК – Новгородские писцовые книги. Указатель. – Петроград, 1915.

СД – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. – М., 1955.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1–27. – М.–Л.–СПб., 1956–1992.